



Ф. В. БУЛГАРИН

Письма о русской литературе

О характере и достоинстве поэзии А. С. Пушкина

И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим.

Можно ли быть беспристрастным в суждениях о современных писателях? — Этот вопрос разрешается другим: можно ли быть совестным? Но в свете на все свои предрассудки. Есть весьма много порядочных людей, честных во всех отношениях, которые, однако ж, не почитают бесчестным поступком: обмануть приятеля при продаже лошади, украсть охотничью собаку и завладеть чужою книгою. Точно так же и в литературе: человек добросовестный во всех случаях жизни не почитает грехом позабавиться насчет автора, выставить его в смешном виде и даже, в порыве гнева, лишить всякого достоинства, хотя этот критик и убежден внутренно, что осмеиваемый или бранимый им автор достоин похвал и уважения. Оскорбленная личность и дух партий извиняют такие противосовестные поступки в литературе, точно так же, как и обман и воровство прикрывается именем *удальства* между псовыми и лошадиными охотниками. По-моему, и то и другое дурно, негодно, недостойно ни литератора, ни благовоспитанного, деликатного человека. — Не хочу более объясняться об этом предмете и приступлю к делу с твердою волею говорить то, что думаю и в чем убежден душевно.

Пушкин составляет эпоху в истории нашей литературы. — С Державиним кончилась у нас поэзия классическая и лирическая; Жуковский создал новую гармонию поэтического языка и показал нам образцы германского романтизма; гений Батюшкова, так сказать, расправил крылья, чтобы взлететь выше своего века, вспорхнул — и остался между долом и высью.

Вокруг Жуковского и Батюшкова загудели и запели на новый лад новые и старые поэты, которые, не двигаясь с места, думали,

что идут вперед новым путем. — Образованная публика, знакомая с чужеземными произведениями, требовала нового рода в поэзии и в литературе вообще; остальная часть русских читателей предчувствовала, что должно быть что-нибудь новое. Все ждали. Явился Пушкин. Едва перешагнув за рубеж детского возраста, он исполинскими шагами опередил всех своих предшественников и занял первое место непосредственно после Державина и Крылова, двух поэтов, с которыми Пушкин не входил в состязание. Публика, оставив прежних своих идолов, бросилась к Пушкину, который заговорил с нею новым языком и представил ей поэзию в новых формах, возбудил новые ощущения и новые мысли.

Этого переворота, этого впечатления нельзя было произвести, не имея истинного гения; а потому дарование Пушкина столь же велико, как и заслуга.

Но сие дарование и сия заслуга более велики *относительно*, нежели *положительно*, то есть то, что Пушкин сделал в России и для России, не может сравниться с тем, что сделали гении-преобразователи в Англии, Германии и Франции. Удерживаюсь от всяких сравнений и постараюсь разобрать отдельно и в общности характер поэзии Пушкина.

<...> Талант Пушкина не одинаков в мелких стихотворениях, поэмах и в драме, и даже характер его поэзии столь различен в сих трех родах, что кажется, будто в каждом из них действует, мыслит и чувствует другой человек, вдохновенный другим гением. В мелких стихотворениях поэт парит непрерывно в высотах, обозначенных Байроном. В поэмах Пушкин, возносясь порывами в небеса, спускается частенько на землю и идет, иногда блуждая по стезям чуждым, иногда останавливаясь, чтоб собраться с духом. В драме поэт еще не определил себе места и носится между небом и землею, чаще, однако ж, придерживаясь земли, нежели увлекаясь ввысь. — Но во всех сих родах Пушкин стоит выше всех поэтов в России, и если мне укажут несколько мелких пьес других поэтов одинакового достоинства с произведениями Пушкина или даже выше их достоинством, то все это еще не отнимает первенства у Пушкина. Что ни говори, как ни раздробляйся в суждениях и эстетических тонкостях, а все-таки Пушкин со всеми своими красотами и недостатками (скажу даже, с важными недостатками) останется первым русским поэтом. — Быть первым современным поэтом есть то же, что быть первым между всеми русскими поэтами от времен «Песни о полку Игоревом» до 1-го января 1833 года, ибо что пели наши Баяны, того мы не знаем, а что выкладывали на рифмы наши деды и сверст-

ники наших отцов, того никак нельзя назвать поэзией в философском смысле сего слова. Исключаю раз навсегда Державина и Крылова *. Они в своем роде первые, неподражаемы и неприкосновенны.

1) ВЗГЛЯД НА ПОЭЗИЮ ПУШКИНА В ОТНОШЕНИИ К ОРИГИНАЛЬНОСТИ

Оригинален ли Пушкин? — Послушайте наших словесников, наших умников, наших ученых критиков, они вам скажут, что Пушкин — *подражатель Байрона*. — Почему? Потому, что Пушкин пишет в таком же неопределенном роде, как Байрон, что Пушкин так же, как и Байрон, не досказывает, не обрисовывает вполне, не кончает, избирает в герои своих поэм не князей и рыцарей, но людей простого звания и изображает случаи, обыкновенные в частной жизни, или такие, о которых прежде не смели даже рассказывать в гостиных. Вот на чем основаны улики в подражании! — А по моему мнению, Пушкин есть только *следствие* века и поэзии байроновской, но сам он оригинален, а не подражатель. Скажу более (однако ж не в укор поэту), Пушкин не читал даже в подлиннике произведений Байрона и знает их только по французским переводам прозою. Пушкин даже не мог постигнуть всех красот немецкой поэзии, ибо он не столько силен в немецком языке, чтобы понимать красоты пиитического языка **. Пушкин слышал вдали невнятные звуки поэзии Байрона, Гете и Шиллера и, чувствуя, что душа его полна гармонии, полна чувства и образов, вздумал испытать силы свои, ударил в струну — и раздалась поэзия — поэзия его собственная, не байроновская, не гетевская, не шиллеровская, но поэзия своего века и в духе времени. <...>

Но оригинальность Пушкина не столь ощутительна, как вышеупомянутых мною поэтов, потому именно, что Пушкин ниже их достоинством своих произведений, а оригинальность Байрона, Гете, Шиллера оттого столь блистательна, столь разительна и преимущество их пред прочими современными поэтами оттого столь явственно, что ум сих великих поэтов упитан был наука-

* О Державине говорится только как о лирике, а о Крылове как о баснописце.

** Может быть, А. С. Пушкин теперь и понимает совершенно Байрона и Гете в подлиннике, но когда он начал писать, он не знал столько ни английского, ни немецкого языка, чтоб понимать высшую поэзию. Это всем известно. — *Соч<инитель>*¹.

ми, а душа их созрела в созерцании Природы и человечества. Вообще все великие поэты были выше своих современников образованностью и познаниями, и даже Шекспир, которого многие критики упрекают в невежестве, заключая о сем по анахронизмам, встречающимся в его сочинениях, даже Шекспир постигал дух истории своего отечества лучше, нежели сухие его критики, и, конечно, не уступал в познаниях образованнейшим мужам своего времени. Оссиан, если он существовал, без сомнения был выше своих диких соотечественников своими познаниями, столько же, как и силою пиитического дара.

Непременная аксиома, что пиитический дар не может вполне развиться, возмужать, укрепиться в самостоятельности, быть подвластным уму до возраста старости (как у Гете) и вознестись до высшей степени совершенства, если существо, наделенное от природы пиитическим даром, отделяясь от мира наук, ввергнется в пучину светской жизни и только в поры отдохновения от забав будет ждать сошествия вдохновения. Правда, что гений ищет пищи в одной природе; но учение и созерцание есть не отдаление от природы, а напротив того, ближайшее к ней руководство, вернейший путь. — Вдохновение является в уединении и ниспосылается природою. Это руда. Гений, при помощи искусства, переплавливает сию богатую руду в горниле *познаний*, и тогда-то мысль и чувство, сливаясь в форму оригинальности, образуют стройное создание, которое, переживая веки, сообщает бессмертие своему творцу и дает характер своему веку.

Итак, хотя Пушкин оригинален, но оригинальность его не принесет таких плодов, какие принесла оригинальность Байрона. Есть и будет множество подражателей Пушкина (несносное племя!), но не будет *следствия* Пушкина, как он сам есть *следствие* Байрона. Пушкин пленил, восхитил своих современников и научил их писать гладкие, чистые стихи, дал им почувствовать сладость нашего языка, но не увлек за собою своего века, не установил законов вкуса, не образовал своей школы, как Байрон и Гете. Пушкин был сам согрет тем небесным пламенем, которое должно оживить нашу литературу; но мы еще ждем своего Прометея, долженствующего возжечь светильник небесного огня для одушевления целого поколения. <...>

2) О МЕЛКИХ СТИХОТВОРЕНИЯХ ПУШКИНА

Человек слаб на добро, но тверд на зло. Добродетель действует на душу его как вешний ветерок, а злоба как буря, которая наконец уносит душу в бездну злодейств. Есть люди добрые, но они

страждут под игом чуждой злобы и угнетения, и они до тех пор не будут счастливы на земле, пока страсти и сила не покорятся рассудку и пока чувство человечества не преодолеет эгоизма. (Долго ждать!)

Вот основная идея поэзии нашего века. Теперь не место рассуждать, справедлива ли сия мысль или нет. Сия идея представляется в нынешней литературе в тысяче разнообразных видов, но не изменяется в существе своем. — Главная ее черта есть выражение презрения к человечеству вместе с состраданием к его жалкой участи. На первом плане картины помещаются сильный, торжествующий порок и беспомощная, страждущая добродетель. Впечатление, производимое сею поэзиею, есть ужас и жалость; следствие сей поэзии есть уныние и грусть.

Байрона почитают основателем сей новой школы, изобретателем сего нового рода поэзии. — Мнение сие основано на том, что Байрон превзошел всех современных поэтов и стал на высшей степени совершенства. По моему мнению, Байрон есть только красноречивый выразитель идей и чувствования нашего века, создавшего сию поэзию необыкновенными событиями. Мгновенное ниспровержение царств, тронов, имуществ, законов, обычаев, нравов; непрерывные ужасы войны, казни, убийства в течение последних тридцати лет пред появлением Байрона, торжество дерзости, злобы, порока, бедствия народные и частные — произвели те ощущения и те идеи, которые, сосредоточась в душе Байрона, отразились из нее в поэтических образах и гармонических звуках. Надобно было небесного устройства ума и почти сверхъестественной силы души, чтоб уловить, удержать и столь естественно передать глубокие идеи и ужасные чувства чудного нашего века. Байрон есть нравственный феномен, настоящее чудо, Наполеон поэзии!

Идея и чувство той же самой поэзии потрясли душу Пушкина, но они раздались в ней не сильно, а потому и отразились невятно, неясвенно. Но как эти звуки были первые на русском языке, которого красота, сила и гибкость до сих пор употреблялась почти исключительно на одни блестящие, то слух целой России обратился к поэту своего века. Начало прельстило, удивило всех и породило высокие надежды. Не в гнев будь сказано поэту — он не исполнил всех наших надежд, и я укоряю его потому только, что, по моему убеждению, он добровольно отогнал от себя современное вдохновение и, ища новых путей, сбился с пути, указанного ему природой, пути, на котором тщетно и печально ждал его покинутый им гений!

Сей гений, сие современное вдохновение, сие чувство и сия идея нашего века более всего пробивается у Пушкина в мелких его стихотворениях, в тех пьесах, которые родились в то время, когда, так сказать, гений исторгал душу поэта из светских отношений и уносил в горние. — В некоторых из сих пьес Пушкин достигает до высокой точки пиитического величия. Таково, например, стихотворение его «Демон», под которым Байрон мог бы, без обиды своего таланта, подписать свое имя². Сия пьеса, имеющая не более 24-х стихов, есть целая поэма. Содержание ее: борьба поэтической души с эгоизмом. Поэму сию можно было бы растянуть так широко, как Илиаду, и все-таки нельзя было сказать ничего сильнее того, что сказано в маленькой пьесе из 24-х стихов. — Из печатных мелких пьес Пушкина я ставлю «Демона» выше всех.

Никто не сделал столько вреда таланту Пушкина, как хвалители его, оттого именно, что они не постигли ни глубины лучших его произведений, ни направления его таланта. Литературные противники Пушкина, жалкие поборники мнимого классицизма, школяры, невежды, эти отставшие от стада журавли, и даже личные враги Пушкина не могли повредить ему в общем мнении. Говорить, что Пушкин дурной поэт, есть то же, что написать себе на лбу адским камнем (*lapis infernalis*): я дурак. Так и сделали мнимые классики! Сказать, что такая-то пьеса или поэма Пушкина дурна, не значит уронить его дарование, ибо и гении производят дурные вещи, когда идут не своим природным путем и берутся не за свое. Байрон был, говорят, плохим парламентским оратором и не мог написать повести прозою³. Следовательно, писавшие *против* Пушкина не повредили ему, а, напротив того, могли принести пользу. Хвалители же его, которым он верил (потому, что весьма приятно верить похвале и дружбе), полагая все достоинство поэзии в гармонии языка и в живости картин, отвлекли Пушкина от поэзии идей и чувствований и употребили все свои усилия, чтобы сделать из него *только артиста*, музыканта и живописца. Наши эстетики и поэты (разумеется, не все) никак не поняли, что гармония языка и живопись суть второстепенные средства новой поэзии идей и чувствований и что в наше время писатель без мыслей, без великих философических и нравственных истин, без сильных ощущений — есть просто гударь⁴, хотя бы его рифмы были слаще Россиниевой музыки⁵, а обrazy светлее Грезовой головки⁶. <...>

